

ДАЛЬНЕ-ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА СЪ ФИЛОСОФСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ, ВЪ СВЯЗИ СЪ ВОПРОСОМЪ О ВОЙНѢ ВООБЩЕ ¹⁾.

VI.

Дальне-Восточная война, какъ историческая необходимость.

Обращаясь теперь къ нашей специальной задачѣ, къ вопросу о войнѣ собственно Дальне-Восточной, мы должны, съ самаго же начала, строго разграничить двѣ точки зрѣнія на эту войну: во-первыхъ, точку зрѣнія на нее, какъ на *историческую необходимость* (печальную для насъ необходимость!) и, во-вторыхъ, какъ на высшій призывъ, на идущее свыше напоминаніе намъ о нашемъ историческомъ призваніи или, иначе,—какъ на *необходимость телеологическую*. Для оправданія войны и примиренія съ нею достаточно сознанія ея *исторической необходимости*; но для пониманія ея подлиннаго внутренняго смысла, необходимо подняться надъ точкою зрѣнія историческаго прагматизма—въ область *исторической телеологии*, гдѣ единственно уясняется для насъ высшее значеніе этой вынужденной войны:

Оба, только что различенные нами, вопроса, — что очевидно и съ перваго взгляда,—тѣсно между собою связаны: ибо идеи въ исторіи открываются не иначе, какъ чрезъ переплетенную ткань причинно-механическихъ сцѣпленій фактовъ и, наоборотъ, подъ видимостію этого механизма,

¹⁾ Окончаніе. См. ноябрьскую кн. Богословскаго Вѣстника.

при его послѣдовательномъ и достаточно углубленномъ продумываніи, съ общихъ и высшихъ точекъ зрѣнія, мы всегда приходимъ къ открытію въ немъ и за нимъ идей, образующихъ какъ бы историческіе ферменты, подлинныя двигатели и творческіе факторы событій.

И тѣмъ не менѣе, несмотря на эту нерасторжимо-тѣсную связь обоихъ вопросовъ, мы не только можемъ, но и должны,—для ясности,—разсмотрѣть ихъ отдѣльно.

Итакъ, предъ нами прежде всего вопросъ о Дальне-Восточной войнѣ, какъ *исторической необходимости*.

Выраженная въ терминахъ отвлеченныхъ, съ которыми мы встрѣчались уже выше, эпопея далекой отъ насъ войны звучитъ довольно мирно: совершился частичный переходъ воинственной энергіи двухъ народовъ изъ потенциальнаго состоянія въ кинетическое (живое),—перешла въ дѣйствительность возможность войны и всегда обязательная для народовъ, по теоріи Канта, готовность къ ней.

Однако, вотъ подробность весьма важнаго, можно сказать принципиальнаго значенія: этотъ переходъ воинственной энергіи изъ одной формы въ другую,—совершился ли онъ *лишь потому*, что, объятые теперь войною, народы еще не поднялись на ту ступень, на которой международно-политическіе конфликты могутъ и должны быть улаживаемы мирно, чрезъ верховный мирный трибуналъ человѣчества, или—*несмотря на то*, что они уже поднялись на эту ступень? Увы!—какъ ни печально это констатировать, но въ данномъ случаѣ имѣетъ мѣсто послѣдняя половина альтернативы: бросилась въ войну, съ цѣлымъ рядомъ очевиднѣйшихъ правонарушеній, нація, которая формально обязалась соблюдать статуты международной мирной конвенціи. Ретвизанъ, Цесаревичъ, Варягъ, звѣрски мучимые и добываемые русскіе войны, стрѣльба въ Красный Крестъ, варварская охота на братьевъ и сестеръ милосердія и многое множество другихъ печальныхъ фактовъ той же категоріи, которые слишкомъ извѣстны для того, чтобы напоминать ихъ еще разъ, служить красно-рѣчивѣйшимъ тому доказательствомъ. При этомъ другія націи, участницы международного мирнаго конгресса, остаются не только безучастными зрительницами этихъ, прискорбныхъ для всего человѣчества, правонарушеній, но и съ своей стороны торопятся, не взирая на опредѣленія между-

народнаго права, иногда вполне ясныя, извлечь изъ осложненныхъ обстоятельствъ,—разумѣю, главнымъ образомъ, вопросъ о военной контрабандѣ,—возможныя для себя выгоды. Въ общемъ, около Дальне-Восточной войны, образовался такой позорный и столь компрометирующій искренность миролюбивыхъ идеаловъ и стремленій человѣчества взрывъ низменныхъ вождельній и аспирацій, идущихъ въ прямой разрѣзъ съ этими стремленіями и идеалами, что у людей, близко „внимавшихъ ужасамъ войны“ и, такъ сказать, вочью видѣвшихъ крушеніе ея международныхъ нормировокъ, складывается рѣшительное недовѣріе къ ихъ, хоть сколько-нибудь реальному, значенію.

„Международное право“,—сказалъ недавно одинъ изъ такихъ мыслящихъ и вмѣстѣ непосредственныхъ наблюдателей войны,—„потерпѣло полное пораженіе. Вѣдь по этому праву наши Аскольдъ, Цесаревичъ и Діана могли быть въ чужихъ портахъ исправлены совершенно, а потомъ имъ должно было быть предложено либо уходить черезъ 24 часа, либо разоружиться. А на дѣлѣ что вышло? Починъ сдѣлала Германія, потребовавъ немедленнаго разоруженія, за ней послѣдовала Франція, а потомъ Америка. Нѣтъ, такое отношеніе есть полное игнорированіе закона... Я,—продолжаетъ цитируемый нами наблюдатель,—никогда не вѣрилъ международному праву. Что это за право? *Право сильного*. Одинъ наступаетъ другому на горло и требуетъ: „подпиши договоръ“. Тотъ поневолѣ подписываетъ при такихъ условіяхъ. А когда онъ оправился и самъ окрѣпъ, онъ не желаетъ исполнять договора и самъ наступаетъ другому на горло. Увы! международнаго права, нѣтъ, а есть лишь международная вѣжливость, такъ же, какъ есть вѣжливость въ частной жизни. Вѣжливость, вообще, требуетъ корректности, но затѣмъ бываютъ случаи, когда государство, какъ въ отдѣльности каждый человѣкъ, въ силу необходимости выходитъ изъ рамокъ корректности. Вѣрить международному праву нельзя, но надо изучить его, какъ и своего противника, и потомъ стараться, пользуясь своими познаніями, восторжествовать надъ этимъ противникомъ“¹⁾.

Въ только-что приведенныхъ словахъ, въ упрощенной и,

¹⁾ *Русское Слово*, № 251. Изъ бесѣдъ съ капитаномъ Н. Л. Кладо.

можетъ быть, нѣсколько болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, насыщенной впечатлѣніями минуты, формѣ выражена та, на мой взглядъ, совершенно неопровержимая, истина, которая мерцала даже и въ умѣ увлеченнаго идеею „всеобщаго мира“ Канта и которую столь ясно формулировалъ осторожный Вундтъ, а именно: между стремленіями человѣчества ко всеобщему миру и *автономіею* государствъ (то - есть ихъ стремленіемъ устроиться по своему собственному желанію и въ виду своихъ собственныхъ интересовъ) существуетъ *принципiальный* (по существу неустрашимый) антагонизмъ, вслѣдствіе котораго война, не только какъ возможность и готовность къ ней, но и какъ фактъ, навсегда останется въ исторіи человѣчества однимъ изъ ужаснѣйшихъ его бичей.

Такимъ образомъ, хотя логика и запрещаетъ придавать фактамъ всеобщее значеніе и, на основаніи ихъ, по настоящему заключать о будущемъ, но въ нашемъ случаѣ, то-есть въ условіяхъ и подробностяхъ войны Дальне-Восточной, въ фактахъ съ такою смущающею яркостью проступаютъ общія свойства человѣческой природы, что, на основаніи ихъ, съ полною логическою правомѣрностію, можно поставить рѣшительно-отрицательную прогностику относительно будущаго: *война навсегда останется бичемъ человѣчества и именно, какъ фактъ, а не какъ простая возможность и обязательная для народовъ всегдашняя къ ней готовность.*

Эта печальная истина, къ несчастію, имѣетъ для насъ, въ переживаемый нами моментъ, не одно только отвлеченно-академическое значеніе, какое она имѣетъ всегда и для всѣхъ размышляющихъ, но также и громадное практическое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, разбираясь во внутреннихъ условіяхъ, при какихъ ведется нами теперь война, и оглядываясь на наше недавнее прошлое, мы должны спросить: была ли присуща нашему сознанію, съ достаточною энергіею, эта истина, то-есть та истина, что для наслажденія благами мира, необходимо быть всегда и фактически готовымъ къ войнѣ? Сознали ли мы раньше и даже сознаемъ ли хотя бы лишь теперь, что война, какъ это превосходно формулировалъ Вундтъ, при современныхъ условіяхъ, есть не что иное, какъ „процессъ исторической критики народовъ“, въ которой, прежде всего, усчитывается ихъ нравственная подготовка, въ которой они „кладутъ на чашку

вѣсовъ всю свою силу и умъ, а прежде всего свою политическую жизненность, воплощающуюся въ военной доблести“?..

Вопросъ здѣсь идетъ не о томъ, конечно, имѣли ли мы въ надлежащей численности и подготовкѣ войска и вооруженіе: это вопросъ техническій и спеціальныи и, насколько можно судить о немъ совнѣ, не специалисту, военные люди дѣлали, повидимому, свое дѣло не только *независимо отъ общаго настроенія* классовъ общества не военныхъ, но даже иногда и *вопреки этому настроенію*,—по силѣ традиціи и во имя долга. Нѣтъ, не объ этомъ рѣчь. Рѣчь, пожалуй, даже и не о „толстоизмѣ“: этотъ теоретическій антимилиратизмъ, хотя и имѣеть,—и, безспорно, громадное,—деморализующее вліяніе на массы, не исключая, быть можетъ, и военныхъ сферъ, но все-же, какъ элементъ наносный, могъ-бы быть парализованъ теченіями мысли встрѣчными, если бы таковыя были у насъ на_лицо и притомъ были бы достаточно стойки. Но вотъ именно въ этомъ-то и вопросъ. Та любовь къ „своему“, исконно-русскому и самобытному, то уваженіе къ арміи, воинскому званію и служенію, какъ необходимому оплоту нашей государственной самобытности, та готовность ставить выше всего, въ словѣ и на дѣлѣ, какъ этого въ свое время требовалъ Фихте отъ нѣмецкой націи, честь своего Отечества,—словомъ тотъ *героизмъ*, котсрый, въ концѣ концовъ, составляетъ, какъ мы видѣли выше, естественную психологическую основу и патріотизма мирныхъ гражданъ, и доблестей воиновъ,—присущъ-ли онъ намъ въ такой мѣрѣ, что бы могъ опредѣлять, реально и практически, на какомъ бы кто поприщѣ ни стоялъ, нашу мысль и дѣятельность?..

Увы!—даже и послѣ того, какъ вѣроломный врагъ пробудилъ насъ отъ нашей общественно-политической летаргіи, нашъ героизмъ выразился развѣ лишь въ томъ, что, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, но часто безъ элементарной освѣдомленности и слѣдовъ пониманія, мы обо всемъ судимъ и *все осуждаемъ*, повсюду отыскивая виновниковъ нашихъ,—безъ сомнѣнія временныхъ!—неудачъ, вездѣ и въ каждомъ человѣкѣ ихъ находимъ, кромѣ только самихъ себя, такъ какъ мы радикально при этомъ забываемъ, что каждый живой членъ общества несетъ на себѣ хоть нѣкоторую долю отвѣтственности за ту хаотичность общественныхъ идей и

настроеній, за ту политическую инертность, которая теперь, во время войны, по формулѣ Вундта, взвѣшивается на вѣсахъ исторіи и усчитывается съ точностію микроскопической.

Да, какъ это ни печально, но приходится сознаться, что потокъ нашей исторической дѣйствительности, судя, по несомнѣннѣйшимъ признакамъ,—пресса, школа, общественный говоръ,—направлялся у насъ, за послѣднее время, отнюдь не въ линіи вдохновляющаго на подвиги героическаго патріотизма и не въ линіи пониманія той печальной, но неоспоримой истины, которую еще разъ, и съ неотразимою убѣдительностію, доказала намъ настоящая война.

Соображая все это, трудно, предъ лицомъ наличной дѣйствительности, не проникнуться тѣмъ тревожнымъ настроеніемъ, съ какимъ въ свое время, какъ мы видѣли это выше, глубокомысленный Фихте говорилъ свои одушевленные *Рѣчи къ нѣмецкимъ воинамъ*. Упреки своихъ согражданъ въ политической сонливости и инертности, въ отсутствіи истиннаго героизма, подавленнаго низменными и своекорыстными влеченіями,—онъ призывалъ *воиновъ* быть для всѣхъ другихъ учителями истинныхъ политическихъ доблестей. Такъ и у насъ теперь въ настоящую минуту. Что бы ни говорили наши близорукіе критиканы о нашихъ дальневосточныхъ герояхъ-воинахъ, которые, по всеобщему, не у насъ только, но и на далекомъ, враждебномъ намъ, Западѣ, признанію, хотя еще и не имѣли крупныхъ военныхъ удачъ, но уже отмѣтили свой путь подвигами, достойными истинныхъ героевъ, — итакъ, что бы ни говорили критиканы, но наши воины до сихъ поръ остаются не только опорой и источникомъ нашихъ, все еще не покидающихъ насъ, при всѣхъ нашихъ разочарованіяхъ, надеждъ, но воистину и нашими *учителями*, самымъ дѣломъ преподающими намъ уроки истиннаго героизма и патріотизма.

Для иллюстраціи того, какъ и въ какой формѣ совершается въ настоящее время нашими подвижниками-воинами, при другихъ подвигахъ, еще и этотъ, — подвигъ политическаго учительства,—позволю себѣ привести здѣсь краснорѣчивыя строки, посвященныя однимъ изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ публицистовъ защитникамъ Портъ-Артура, во главѣ съ ихъ доблестнымъ вождемъ, Стесселемъ. Эти строки тѣмъ

болѣе для насъ цѣнны, что онѣ идутъ изъ дружественной и искренно сострадающей намъ, въ нашемъ тяжеломъ испытаніи, Франціи.

„Героическій защитникъ азіатской твердыни“, — пишетъ этотъ публицистъ (Мильвуа Люсьенъ),—„въ настоящее время популярень не въ одномъ своемъ отечествѣ, но и во всѣхъ странахъ, гдѣ онъ вызываетъ удивленіе. Если ему придется принести въ жертву упорство, которое возбуждаетъ и привлекаетъ вниманіе всего міра, то имя его, славное и безсмертное, перейдетъ въ легенду вѣковъ. И изъ поколѣнія въ поколѣніе всѣ храбрецы будутъ привѣтствовать его, какъ своего предшественника. Древній міръ, столь прославленный, не даетъ намъ примѣра болѣе поразительнаго. Столь же великіе, какъ Спартанцы Леонида, Русскіе въ Портъ-Артурѣ приносятъ въ жертву свою жизнь безъ лишнихъ словъ. И солидарность ихъ предъ смертью проявляется уже въ удивительныхъ дѣйствіяхъ. Гражданское населеніе крѣпости соединяется съ моряками и солдатами, чтобы, не колеблясь, переносить всѣ ужасы осады, и если завтра осажденная крѣпость падетъ въ потокахъ крови, то ни одинъ человѣкъ не уклонится отъ исполненія послѣдняго долга. Можетъ ли быть что либо выше этого братства въ соревнованіи?.. Стессель ясно говорить товарищамъ по испытанію: „я ничего болѣе не могу предложить вамъ, какъ общую могилу“. И ни одинъ не уклонится отъ этого мрачнаго призыва. Даже врагъ, не взирая на свою жестокость, содрагается чувствомъ жалости. Возможно ли спасти этихъ храбрецовъ?—Они сами обрекли себя на жертву, а рѣшеніе ихъ сердець безповоротно. *Развъ послѣ этого можно сказать, что патриотизмъ, высмѣиваемый и унижаемый антинациональными сектами,—фикція, иллюзія?* Пусть эти „люди безъ отечества“ укажутъ намъ въ своихъ дѣйствіяхъ подобные примѣры—такое самоотреченіе въ жизни, такую поучительную смерть. „Преклоненіе предъ Отечествомъ“—это высшая вѣра. И подъ развѣвающимися знаменами, которыя вдохновляютъ мучениковъ, души ихъ возносятся къ небу. *Материализмъ отказывается постичь, атеизмъ изумленъ, а скептицизмъ смущенъ въ виду проявленія этого „сверхчеловѣческаго“ идеализма. Вотъ каковъ человѣкъ, когда божественное вѣяніе отвлечетъ его отъ мелочныхъ земныхъ интересовъ! Онъ открывается тогда во всей своей чистой красотѣ.*

Героизмъ—дѣло вѣры. Завтра героевъ, можетъ быть, будутъ оплакивать всѣ народы. Но пока они бьются—пусть дойдетъ до нихъ окрикъ удивленія всей вселенной“¹⁾.

Замѣчатѣльнѣя, потрясающія слова!...

Въ другой своей статьѣ, посвященной защитникамъ Портъ-артурской твердыни, тотъ же публицистъ съ особенною энергіею указываетъ именно на *христіанскій* характеръ ихъ доблестей:

„Христіанская нація“,—говоритъ онъ,—„показываетъ здѣсь силу вѣры: ея солдаты—всѣ мученики. Патріотизмъ блистаетъ въ этой величественной агоніи. Добровольно принявшіе на себя двойной долгъ, защитники Портъ-Артура вступаютъ съ вѣрой, съ восторгомъ въ храмъ двойнаго безсмертія“²⁾.

И вотъ тотъ урокъ, который шлютъ намъ съ далекаго Востока наши воины-герои: они учатъ насъ вѣрѣ въ святость долга, съ надеждою на безсмертіе,—„двойное безсмертіе“. Такимъ образомъ, они защищаютъ насъ *не только отъ нашихъ враговъ*, но, въ нѣкоторомъ смыслѣ, и *отъ насъ самихъ*,—отъ нашихъ смутныхъ идей и лишенныхъ возвышенности и героизма настроеній. И, безъ сомнѣнія, если бы тѣ великіе лозунги, преданность которымъ они доказываютъ теперь предъ нами самымъ дѣломъ, *всегда* были присущи нашему сознанію, то настоящая война, хотя, быть можетъ, и не была бы избѣгнута, но во всякомъ случаѣ, началась бы не съ такими осложненіями, которыя теперь давятъ сердце, смущая его тяжелыми предчувствіями...

Возвращаясь, теперь, къ поставленному нами выше вопросу о Дальне-Восточной войнѣ, какъ исторической необходимости, мы, послѣ только что изложенныхъ нами соображеній, можемъ отвѣтить на него такъ: эта война оказалась для насъ историческою необходимостію не потому только, что на насъ *напали* и мы вынуждены *защищаться*, но также и, можетъ быть, еще болѣе потому, что мы *пали*,—идейно, нравственно и политически, — и намъ необходимо *подняться*, прежде всего въ своихъ собственныхъ глазахъ, но затѣмъ и въ глазахъ всего свѣта. И если по неумолимой логикѣ историческаго прагматизма, причина всегда соразмѣрна съ

1) *Московскія Вѣдомости*, № 230.

2) *Моск. Вѣд.* № 259.

дѣйствиємъ, то по кошмарно-удручающему дѣйствию Дальне-Восточной войны на наше настроеніе мы легко можемъ судить о степени нашей идейной и моральной къ ней неподготовленности. При такихъ условіяхъ, по свидѣтельству исторій, народамъ всегда посылается тяжелое испытаніе войны, какъ единственное средство духовнаго, а вслѣдъ за нимъ и физическаго, оздоровленія. И намъ, слѣдовательно, необходимо съ нею примириться,—не только, какъ со слѣпою историческою необходимостію, но и какъ съ благодѣтельнымъ, хотя и мучительнымъ, испытаніемъ: въ такіе періоды, каковъ переживаемый теперь нами, въ періоды моральной, политической и идейной расшатанности, война необходима народамъ, какъ хирургическая операція тяжко больному.

VII.

Конечный смыслъ Дальне-Восточной войны.

Перейдемъ ко второй половинѣ нашего спеціального вопроса,—къ выясненію высшаго или, такъ называемаго, *телеологическаго смысла* Дальне-Восточной войны.

Народамъ, какъ и отдѣльнымъ людямъ, часто приходится дѣлать вовсе не то, что лежитъ въ линіи ихъ собственныхъ желаній. Это замѣтила уже и философствующая древность. *Volentem*,—сказала она устами одного изъ своихъ представителей,—*fata ducunt, nolentem trahunt*. Мудрость христіанскихъ народовъ выразила ту же истину, примѣнительно къ своимъ основнымъ вѣрованіямъ, болѣе возвышенно и вмѣстѣ болѣе точно: „не такъ живи, какъ хочется, но какъ Богъ велитъ“. И современная философія, какъ бы объединяя обѣ эти точки зрѣнія, говоритъ о „телеологической преформации эмпирическихъ факторовъ историческаго процесса“.

Эта „телеологическая преформация“, въ которой неволью чувствуется моментъ высшаго *понужденія*, быть можетъ, нигдѣ въ новѣйшей исторіи народовъ не сказалась съ такою ясностію, какъ именно въ войнѣ Дальне-Восточной.

Въ самомъ дѣлѣ, почти еще наканунѣ войны все у насъ слагалось, повидиму, такъ, чтобы войнѣ не быть и почти никто у насъ въ нее серьезно не вѣрилъ. И вдругъ, какъ неожиданный ударъ грома, вѣсть о войнѣ потрясла нашъ слухъ... И вотъ всѣ неволью встрепенулись и задумались,—

задумались не думою поверхностнаго внѣшняго любопытства, но глубоко и тревожно, съ обращеніемъ самаго пристальнаго взора, прежде всего, внутрь самихъ себя, съ цѣлью разгадать сокровенный смыслъ этого высшаго зова на войну. Казалось, что надъ Русскою землею какъ будто снова прозвучало грозное слово одного изъ наиболее вдумчивыхъ нашихъ поэтовъ-патріотовъ, А. С. Хомякова, съ которымъ онъ обращался къ Россіи въ періодъ выпавшихъ на ея долю, въ срединѣ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, подобныхъ-же тяжелыхъ испытаній:

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ Онъ судить строго,—
А на тебя,—увы! какъ много,—
Грѣховъ ужасныхъ налегло...

.....
Не въ пьянствѣ похвальбы безумной,
Не въ пьянствѣ гордости слѣпой,
Не въ буйствѣ смѣха, пѣсни шумной,
Не съ звономъ чаши круговой;
Но въ силѣ трезвенной смиренья
И обновленной чистоты
На дѣло грознаго служенья
Въ кровавый бой предстанешь ты.
О, Русь моя! какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросивъ,
Съ душою свѣтлой, многодумной,
Иди на Божескій призывъ...

Да, къ тому, въ чемъ слышится „Божескій призывъ“, необходимо относиться со всею нравственною серьезностію и возможною изощренною чуткостію. Для побѣды надъ врагомъ, какъ говорилъ Фихте въ своихъ, уже извѣстныхъ намъ *Рѣчахъ къ нѣмецкимъ воинамъ*, необходимо, чтобы всѣ, отъ воина до самаго мирнаго изъ гражданъ, желали одного— побѣды и только побѣды. Но еще болѣе необходимо, какъ говорилъ онъ-же, что бы всѣ мы знали, во имя чего наложена на насъ эта тяжелая историческая обязанность неизбѣжной и вмѣстѣ отвѣтственной войны.

Итакъ, въ чемъ-же этотъ высшій историко-телеологическій ея смыслъ?

Не разъ говорилось у насъ, за эти семь-восемь мѣсяцевъ борьбы съ Японцами, что война идетъ изъ-за обладанія, со стороны Россіи, примыкающими къ ея владѣніямъ или съ ними связанными желѣзнодорожною линією, берегами Тихаго Океана, которое бы открывало ей въ будущемъ широкій и безпрепятственный доступъ къ водной стихіи. И это, несомнѣнно, такъ. На Дальній Востокъ, какъ къ единственному вполне свободному выходу къ океанскому водному простору, уже давно, въ теченіе многихъ столѣтій, ведетъ русскихъ завоевателей вѣрный историческій инстинктъ. И теперь наиболѣе дальновиднымъ политикамъ лишь тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, справедливо видится ключъ къ рѣшенію вопроса о Востокѣ Ближнемъ, первое условіе для каковаго рѣшенія есть наша независимость отъ гнета Европейскихъ Коалицій, который будетъ, однако-же, тяготѣть надъ нами до той поры, пока мы будемъ заперты въ своихъ *моряхъ*, Балтійскомъ и Черномъ, и не станемъ твердою ногою у береговъ свободнаго океана. Туда же ведутъ насъ и торгово-промышленные интересы: подобно тому, какъ лишь со времени доступа нашего къ водамъ Балтійскаго моря, при Петрѣ Великомъ, намъ отворилось „окно въ Европу“,—такъ лишь съ доступомъ къ водамъ дальнихъ береговъ Тихаго Океана намъ, въ собственномъ смыслѣ, откроется „окно въ Азію“, изъ котораго мы были бы въ состояніи окинуть взоромъ,—не мечтательно и лишь въ воображеніи, съ неосуществимыми пожеланіями и подавленными вздохами, но реально и самымъ дѣломъ,—весь горизонтъ земнаго шара... И если насъ отбросятъ отъ береговъ Тихаго Океана въ эту войну, то инстинктъ историческаго самосохраненія, усиленный требованіями органическаго роста, поведетъ насъ туда снова, чрезъ десять, двадцать, можетъ быть сто лѣтъ, — пока, въ концѣ концовъ, мы не добьемся цѣли, какихъ бы жертвъ это намъ ни стоило. Ибо здѣсь, въ рѣшеніи Дальне-Восточнаго вопроса, въ своемъ родѣ наше историко-политическое: „быть или не быть“.

Да. Это именно такъ. И притомъ—въ прямомъ и буквальномъ смыслѣ.

Подумаемъ, въ самомъ дѣлѣ, съ надлежащимъ углубленіемъ, хотя бы о томъ одномъ, *что можетъ стать съ Россією*, если побѣдить—допустимъ невѣроятную вещь—Японія.

Несомнѣнно, что, какими бы гарантіями мира ни была оставлена ближайшая „сосѣдская“ жизнь обѣихъ державъ, но, рано или поздно, Россіи, при условіи побѣды со стороны Японіи, пришлось бы выдержать на себѣ,—прежде всего, какъ и въ эпоху монгольскаго владычества, *на одной себѣ*,—первую грозу страшнаго нашествія на Европу желтолицой расы. Вѣдь побѣда Японіи надъ Россіей означала бы, что въ руки первой фактически поступаетъ владычество надъ Кореей, Китаемъ, Манчжуріей, Монголіей, то-есть приблизительно надъ 500—600 милліоновъ желтолицой расы, изъ которыхъ „побѣдители“, съ своею, хорошо обученною, арміею шпіоновъ-инструкторовъ, легко могли бы наберовать десятковъ милліоновъ воиновъ и, пожалуй, даже не одинъ. Ну, и куда же „побѣдительница“, прежде всего, двинула бы ихъ?.. Правда, властолюбивые планы японцевъ не ограничиваются одною Россіею: имъ хотѣлось бы—такова японская имперіалистическая идея—дать Монголамъ, подъ гегемоніею Японіи, владычество *надъ всѣмъ міромъ*, вырвавъ его изъ рукъ ненавистой имъ бѣлой расы, съ западно-европейскими государствами во главѣ. Но „весь міръ“ великъ и обширенъ, а Западная Европа, какъ ни какъ, отъ Японіи все же очень далека. Остается, значитъ, многострадальная Россія... Не даромъ же воинственные гимны Японцевъ уже и теперь призываютъ ихъ „на Уралъ, на Волгу, въ Москву!“

Обо всемъ этомъ стоить очень и очень подумать, чтобы, уже *по мотивамъ историческаго самосохраненія*, единодушно и всѣми силами, желать побѣды надъ врагомъ, которая привела бы насъ къ твердому и *окончательному* утвержденію на Дальне-Восточной окраинѣ. Но вотъ дальнѣйшій вопросъ, лежащій въ линіи уже не внѣшнихъ, но внутреннихъ, *нравственно-телеологическихъ* соображеній: какаѣ же именно нравственная, то-есть оправдывающая и налагающая характеръ обязательности, цѣль открывается въ томъ историческомъ инстинктѣ, о которомъ мы только что говорили и какою можно усматривать во всей этой сопринадлежающей группѣ стремленій къ открытому океану, и къ расширенію, чрезъ него, перспективъ и горизонтовъ, *высшій* смыслъ,—въ чемъ, говоря иначе, ихъ идея?

Нѣкоторый предварительный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ разсмотрѣніе Дальне-Восточной войны въ исто-

рической перспективѣ. Неоднократно, при изложеніи настоящихъ размышленій, мнѣ приходилось указывать на войну, какъ на могущественнѣйшее средство организациі мира, обезпечивающаго не только наслажденіе благами культуры, но и ихъ дальнѣйшее приобрѣтеніе и развитіе: чѣмъ обширнѣе и внутренне благоустроеннѣе та или другая общественно-политическая организациа, тѣмъ болѣе она благопріятствуетъ только что указанной цѣли. И вотъ почему чрезъ всю исторію человѣчества проходятъ эти тенденціи къ возможно широкимъ политическимъ организациамъ—путемъ завоеваній: Александръ Македонскій, Цезарь, Наполеонъ... Однако, со времени величайшей политической организациі древняго міра, Великой Римской Имперіи, въ которой были воплощены всѣ высшія приобрѣтенія языческой культуры, міръ не знаетъ другой подобной. Единственный же замысль въ этомъ родѣ, замысль Наполеона, не увѣнчался успѣхомъ именно потому, что въ основу задуманной имъ новой всемірно-политической организациі положены старыя, то-есть чисто языческія принципы, какъ это превосходно выражено въ обращенномъ къ этому гордому завоевателю стихотвореніи того же нашего поэта-патріота, слова котораго мы уже имѣли случай привести выше:

Не сила народовъ тебя подняла,
 Не воля чужая вѣнчала:
 Ты мыслиль и властвовалъ, жилъ, побѣждалъ,
 Ты землю желѣзной стопой попиралъ,
 Главу самозданнымъ вѣнцомъ увѣнчалъ,
 Помазанникъ собственной силы.
 Не сила народовъ повергла тебя,
 Не всталъ тебѣ ровный соперникъ;
 Но Тотъ, Кто предѣлы морямъ положилъ
 Въ послѣднемъ бою твой булатъ сокрушилъ.
 Въ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ
 И снѣгомъ засыпалъ дружины.
 Скатилась звѣзда съ омраченныхъ небесъ,
 Величье земное во прахъ...
 Скажите, не утро-ль съ Востока встаетъ?
 Не новая-ль жатва надъ прахомъ растеть?
 Скажите... Міръ жадно и трепетно ждетъ
 Властительной мысли и слова...

Въ послѣднихъ, какъ бы пророчественныхъ, — какъ и многое другое у Хомякова, — словахъ поставленъ тотъ вопросъ, который невольно встаетъ въ сознаниі, когда задумываешься надъ высшимъ смысломъ настоящей Дальне-Восточной войны и рассматриваешь ее въ исторической перспективѣ:

Скажите: не утро-ль съ Востока встаетъ?

Не новая-ль жатва надъ прахомъ растетъ?

Скажите... Міръ жадно и трепетно ждетъ

Властительной мысли и слова...

Хотѣлось бы вѣрить, что это именно такъ, — что на Дальнемъ Востока уже начинается теперь формулироваться великое, истинно-освободительное слово „властительной мысли“, котораго такъ трепетно ждетъ теперь весь міръ. Хотѣлось бы видѣть, что надъ прахомъ павшихъ тамъ нашихъ воиновъ уже прозябаетъ завязь новой жатвы, имѣющей духовно насытить человѣчество, — что тамъ уже брезжитъ заря радостнаго утра... Хотѣлось бы во все это вѣрить и есть, повидимому, основанія для этой вѣры.

Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, Дальне-Восточная война уже отмѣчена на нашей сторонѣ рядомъ величайшихъ нравственныхъ подвиговъ, предъ которыми склоняется весь міръ и которые доказываютъ, самымъ краснорѣчивымъ образомъ, что тысячелѣтіе русской православно-христіанской культуры дало свой плодъ. Съ другой, мы дѣйствительно, повидимому, накануне великой міровой коллизіи, — накануне послѣдней всемірной борьбы, борьбы между Востокомъ и Западомъ, между пробуждающеюся отъ тысячелѣтней спячки Азіей и Европой: наша борьба съ Японіей есть, повидимому, лишь прологъ или, можетъ быть, даже уже первый актъ этой грандіозной грядущей борьбы.

Было бы, въ самомъ дѣлѣ, признакомъ крайней близорукости думать, будто дѣло на Д. Востока идетъ лишь о Портъ-Артурѣ или Мандчжуріи или хотя бы даже о нашемъ правѣ на свободный доступъ къ океану: политически это, можетъ быть, и такъ, но — не исторически. О, нѣтъ и нѣтъ! *Casus belli*, взятый въ болѣе обширномъ смыслѣ, не исчерпывается этими интересами и, судя по всѣмъ признакамъ, боевая линія отнюдь не совпадаетъ съ линіями столкнувшихся на Дальнемъ Востока арміи: она имѣетъ свое незримое продолженіе,

имѣющее, повидимому, въ недалекомъ будущемъ раздѣлить весь міръ какъ бы на два исполинскихъ боевыхъ лагера,— не территориально, конечно, но по принципамъ, по духовно-культурнымъ притяженіямъ. Не случайное, въ самомъ дѣлѣ, явленіе, что народы по преимуществу меркантильные, каковы всесвѣтные торгошаи—эксплоататоры Англичане и Американцы, открыто становятся теперь на сторону нашихъ враговъ, поддерживая ихъ не только выраженіемъ поспѣшныхъ восторговъ предъ ихъ военными успѣхами и „доблестями“ и не только возвеличеніемъ ихъ мнимой „культурности“, но и самымъ дѣломъ: доставленіемъ имъ всего, необходимаго для войны, начиная съ денегъ. Западное культурное *одичаніе* здѣсь открыто подаетъ руку исконной внѣкультурной *дикости*, хотя и натянувшей на себя плохо прилаженный костюмъ европейской цивилизаціи,—подаетъ руку во имя, равно дорогой имъ, *матеріальной* культуры.

Вотъ почему въ Дальне-Восточной войнѣ мы, повидимому, имѣемъ предъ собою начало окончательнаго обостренія той всемірной антитезы,—антитезы между культурою матеріальною и духовною,—которая всегда, и самымъ могущественнымъ образомъ, раздѣляла народы и которой суждено, кажется подготовить ихъ послѣднюю коллизію. Дальнозоркіе у насъ, начиная съ Хомякова и кончая покойнымъ Вл. С. Соловьевымъ, уже ясно видѣли въ настоящемъ сѣмена этой грядущей міровой коллизіи, а можетъ быть, и катастрофы. Хомяковъ отмѣтилъ ее, какъ борьбу Иранизма и Кушитства,—какъ загорѣвшуюся на „Востокѣ“, но передающуюся, по силѣ исторической инерціи, вплоть до самыхъ послѣднихъ временъ борьбу свѣта и тьмы, началъ небснаго и земнаго, культуры духовной и матеріальной. А пророчесвенно-дальнозоркій Вл. С. Соловьевъ написалъ въ своемъ *Оправданіи Добра*, по занимающему насъ теперь вопросу, слѣдующія, полныя смущающихъ предостереженій, строки:

„Введеніе монгольской расы въ кругъ *матеріальной* европейской культуры есть фактъ съ обоюднымъ значеніемъ. Эта раса,—которой главный представитель, китайскій народъ, исчисляется, по крайней мѣрѣ, въ 200 милліоновъ душъ,—при величайшей племенной гордости отличается и крайнимъ презрѣніемъ къ жизни, не только чужой, но и къ своей. Болѣе, нежели вѣроятно, что неизбѣжное отнынѣ усвоеніе

западной культурной техники всею желтою расой будетъ для нея только средствомъ. чтобы въ рѣшительной борьбѣ доказать превосходство своихъ духовныхъ началъ надъ европейскими. Эта предстоящая вооруженная борьба между Европою и монгольской Азіей будетъ, конечно, послѣднею, но тѣмъ болѣе ужасною, *дѣйствительно всемірною войною*, и не безразлично для судьбы человѣчества, какая сторона останется въ ней побѣдительницею“.

И далѣе:

„Дѣло еще въ нашихъ рукахъ. Первое условіе для возможнаго, хотя и мало вѣроятнаго, мирнаго включенія монгольской расы въ кругъ христіанской культуры состоитъ въ томъ, чтобы сами христіанскіе народы были болѣе христіанскими, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ своей собирательной жизни они руководились въ большей степени нравственными началами, нежели постыднымъ своекорыстіемъ и злою враждою экономическою, національною и исповѣдною... Противъ Европы, внутренне объединенной и дѣйствительно христіанской, Азія не имѣла бы ни оправданія борьбы, ни условій побѣды. Какъ бы то ни было, еслибы послѣдняя бранная встрѣча Запада съ Востокомъ оказалась неизбѣжною, и тутъ должно помнить, что *условіемъ побѣды для Европы будетъ согласное дѣйствіе всѣхъ ея народовъ и подъемъ ихъ духовныхъ силъ*“.

Такъ писалъ покойный философъ.

Какія воистину смущающія слова!.. „Условіемъ побѣды для Европы будетъ согласное дѣйствіе всѣхъ ея народовъ“. Но вотъ этого-то именно теперь, повидимому, и нѣтъ! Въ борьбѣ съ коварнымъ и фанатическимъ врагомъ мы, повидимому, осуждены меркантильнымъ духомъ Европы, легкомысленно подсмѣивающейся, изъ своего благополучнаго далека, надъ „желтою опасностью“, оставаться одинокими.

Тѣмъ необходимѣе, поэтому, намъ, не только людямъ военнымъ но и мирнымъ гражданамъ, собрать всю свою энергію и въ далекую отъ насъ, лишь пространственно, но не духовно, борьбу вложить все, доступное намъ, желаніе побѣды и все, возможное съ нашей стороны, содѣйствіе тѣмъ, которые Державною Волею призваны вырвать ее изъ цѣпкихъ рукъ хорошо вооруженнаго услужливою западно-европейскою военною техникою непріятеля.

Въ ту минуту, когда я заканчиваю мои настоящія размышленія о Дальне-Восточной войнѣ, вѣсы, на которыхъ взвѣшиваются уже достигнутые противниками результаты, еще не склонились, сколько нибудь рѣшительно, ни на ту, ни на другую сторону. И одинъ Богъ знаетъ, что несетъ намъ грядущее... Но каковъ бы ни былъ исходъ этой упорной борьбы, намъ, каждому изъ насъ, необходимо знать, что въ томъ великомъ историческомъ уравненіи, которое теперь формулируется на Дальнемъ Востокѣ и которое, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, должно же быть разрѣшено, отнюдь не безразличны и тѣ величины, которыя мы, каждый изъ насъ, вносимъ въ него, своимъ *личнымъ* къ ней отношеніемъ,—словомъ и дѣломъ,—какъ бы ни казались онѣ иногда незначительными.

Наши моралисты и проповѣдники призываютъ теперь Русскій народъ къ нравственному обновленію, къ освѣженію въ своемъ сознаніи и къ болѣе дѣйственному проявленію въ жизни, великихъ исконно-русскихъ завѣтовъ и идеаловъ. Но и у представителей науки, особенно столь отзывчивой на живые запросы, какова преимущественно философія, есть въ данномъ случаѣ своя опредѣленная обязанность,—обязанность возможно связнѣе и глубже продумать тревожный вопросъ о Дальне-Восточной войнѣ, въ ея причинахъ и слѣдствіяхъ, въ ея высшихъ цѣляхъ и условіяхъ, благопріятствующихъ желанному ея окончанію, чтобы, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать установленію правильнаго взгляда на нее въ обществѣ, отъ чего, въ концѣ концовъ, многое зависитъ въ ея теченіи и даже самомъ ея исходѣ. Ибо лишь при этомъ условіи, то-есть при условіи полнаго единомыслія, всѣ мы проникнемся въ отношеніи къ войнѣ однимъ настроеніемъ и вложимъ всѣ свои помыслы и стремленія въ одно желаніе: побѣдить и только побѣдить... А въ этомъ желаніи и опредѣляемомъ имъ образѣ дѣйствій первое, съ нашей стороны, условіе побѣды.

Алексѣй Введенскій.

14-го сентября, 1904 г.
